

На правах рукописи

Коваленко Лидия Анатольевна

Образ Свердловска / Екатеринбурга в русской прозе 2000–2010-х гг.

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2019

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Литовская Мария Аркадьевна

Официальные оппоненты: **Семьян Татьяна Федоровна**, доктор
филологических наук, профессор ФГАОУ
«Южно-Уральский государственный
университет (национальный исследовательский
университет)» (г. Челябинск), профессор
кафедры русского языка и литературы

Хрящева Нина Петровна, доктор
филологических наук, профессор, ФГАОУ
«Уральский государственный педагогический
университет» (г. Екатеринбург), профессор
кафедры литературы и методики ее
преподавания

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»

Защита состоится «30» мая 2019 г. в 11.00 ч. на заседании диссертационного
совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: г. Екатеринбург, пр.
Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=302853>

Автореферат разослан «___» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Наблюдения за культурной ситуацией 2000-х годов показывают стабильно высокий интерес к проблеме «идентичности» Свердловска / Екатеринбурга: екатеринбургские писатели, архитекторы, социологи, политологи, урбанисты, работники музеев и художественных галерей, кинематографисты активно разрабатывают «городскую тему», пытаясь определить особенности «столицы Урала».

В 2000-е годы выходят многочисленные научные исследования по истории, архитектуре, культуре города, а также разного рода научно-популярные путеводители, энциклопедии, книги очерков и т.п. Появляется немало художественных текстов, местом действия которых является Екатеринбург: «Фабрикантша», «Женская азбука» Н. Смирновой, «Повесть, которая сама себя описывает» А. Ильенкова, «Екатеринбург, восемнадцатый» А. Титова, «Зеленые холодные уральские помидоры» М. Бодягина, «Уральский монстр. История разоблачения самого громкого серийного убийцы Советского Союза» А. Ракитина, автобиографические рассказы А. Кирьяновой, поэзия и проза И. Сахновского, поэзия М. Никулиной, В. Чепелева, А. Расторгуева, пьесы представителей «Уральской школы драматургии» (А. Архипова, Я. Пулинович, В. Сигарева и др.), сценарии к фильмам, действие которых разворачивается в Екатеринбурге (например, «Страна Оз» В. Сигарева и А. Ильенкова) и т.д.

Несмотря на постоянное внимание к теме города, количественному росту текстов, связанных со Свердловском / Екатеринбургом, образ города в художественной и документально-художественной словесности остается изученным фрагментарно, вновь выходящие тексты рассматриваются разрозненно, а многие вообще оказываются за границами интереса критики. С вышесказанным связана **актуальность** настоящего диссертационного исследования.

Цель исследования: проанализировав разножанровые прозаические тексты 2000-х годов, действие которых разворачивается в Свердловске / Екатеринбурге, выявить тенденции формирования образа города.

Объект исследования – образ Свердловска / Екатеринбурга в прозаических текстах современной художественной и художественно-документальной литературы. **Предмет** исследования – поэтика создания образа Свердловска / Екатеринбурга в художественной и художественно-документальной прозе.

Обозначенная цель определяет следующие **задачи**:

1) выявить корпус текстов словесности 2000–2010-х годов, в которых представлен развернутый образ Свердловска / Екатеринбурга;

2) охарактеризовать общие тенденции в разработке образа Свердловска / Екатеринбурга в прозаических текстах 2000–2010-х годов;

3) проанализировать специфику конструирования образа города в текстах с автобиографическим началом;

4) выявить закономерности в формировании образа города в социально-психологической прозе;

5) рассмотрев образцы документально-очерковых текстов, посвященных Екатеринбургу, описать способы тематической репрезентации в них образа города;

6) изучить варианты создания образа Свердловска / Екатеринбурга в текстах с фантазмагорической фабулой;

7) сделать выводы о взаимодействии между создаваемыми образами Свердловска / Екатеринбурга, общественными обсуждениями своеобразия города, индивидуальными авторскими творческими установками.

Решение указанных задач позволило сформулировать ряд выводов, отраженных в основных **положениях, выносимых на защиту**:

1. Опираясь на сложившийся в литературе XIX-XX веков образ Свердловска / Екатеринбурга, авторы художественной и документально-художественной прозы XXI века продолжают традицию изображения города как изначально неоднородного, вызывающего смешанные чувства притяжения и отторжения. В произведениях современных авторов в основу концепции образа Свердловска / Екатеринбурга положено представление о противоречивой природе этого места, выраженное в устойчивом эмоциональном противопоставлении невыразительного и яркого, неинтересного и загадочного, милого и надоевшего, раздражающего и необходимого. Типичное для предшественников стремление определять город через сущностные образы-формулы (например, «настоящий горный город», «железный город», «город-стройка», «город-завод», «третья столица») в современной прозе отходит на второй план.

2. В XXI в. продолжает складываться корпус разноплановых текстов, действие которых разворачивается в Свердловске / Екатеринбурге. Можно утверждать, что современные авторы, как постоянно, так и периодически живущие или работающие в Екатеринбурге, включены в жизнь, ритм города, осведомлены в современных урбанистических теориях, поддерживают систему творческих взаимосвязей. Они постоянно обращаются к изображению города, настойчиво ищут новые символические ресурсы обновления образа Свердловска / Екатеринбурга в истории города и страны, предлагают смотреть на город с неожиданных ракурсов.

3. В автобиографической прозе в центре повествования оказывается фигура ностальгирующего горожанина, который вспоминает прошлое, анализирует настоящее и стремится связать воедино разведенные по времени события жизни. Его личная история включена в историю городскую, при этом город изображается не как фон, но как неотъемлемая часть прошлого конкретного человека. Эксплицитно и имплицитно выраженная субъективность меморативных текстов позволяет авторам передавать динамичную историю своих собственных взаимоотношений со Свердловском / Екатеринбургом.

4. В социально-психологической прозе о вымышленных жизнеподобных событиях детали образа города обычно фрагментарны и преломлены сквозь призму сознания персонажей. Повествователь занимает нейтральную позицию наблюдателя, передающего размышления персонажей о городе, их мнение, выраженное в монологах, диалогах, спорах, отдельных репликах. За счет столкновения нескольких точек зрения персонажей осуществляется субъективное «районирование» пространства города и сравнение Свердловска / Екатеринбурга с другими столичными и периферийными населенными пунктами.

5. В документальной прозе очеркового типа ведущими приемами создания образа Свердловска / Екатеринбурга являются обусловленный прагматической задачей создателя текста «целевой» подбор фактов из истории и современной повседневности города, воспроизведение разнородных городских «баек», четкая топографическая разметка городского пространства, апелляция к заинтересованному городом читателю. Рассказ о городе оказывается одним из инструментов самоидентификации автора-повествователя, который раскрывает себя через выражение отношения к городу, открыто заявляет свою позицию ответственного горожанина, предлагает инициировать изменения в жизни города, вводить в нем новые добрые традиции и т.д.

6. Авторы романов с фантасмагорической фабулой создают образы двойников города, комплектуют корпус таинственных городских историй, вводят устойчивые мотивы «плохого места» (злого гения места, искаженной карты, нечистой силы), локализуют таинственное и необычное на карте города. Фантасмагорическая фабула подчеркивает цельные авторские концепции «другого» Екатеринбурга: города с «затемненной историей» (В. Исхаков), саморазрушающегося мегаполиса во власти хтонических сил (О. Славникова), футуристического new-Екатеринбурга (Э. Кубенский) и др.

7. В современных литературных текстах о Свердловске / Екатеринбурге фиксируются архитектурные, ландшафтные и т.п. средовые изменения в городе, передается атмосфера актуальных дискуссий о судьбе и статусе Екатеринбурга.

Специфика образа города в каждом конкретном случае определяется как творческой установкой автора, параметрами жанрово-видового типа текста, широким литературным контекстом, так и внелитературными факторами.

Теоретико-методологической основой исследования стали классические работы по изучению образа города, выполненные в рамках локально-исторического подхода (Н. П. Анциферов, И. М. Гревс), структурно-семиотического (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский) и синтетического (В. В. Абашев, Л. О. Зайонц, Е. Н. Эртнер) направлений анализа.

Базой для изучения образа Свердловска / Екатеринбурга стали разноплановые филологические работы, посвященные изучению образа города в художественной литературе, текстах средств массовой информации, непрофессиональных текстах, воспоминаниях (Л. П. Быков, И. Т. Вепрева, Ю. В. Ключкова, М. А. Литовская, Ю. С. Подлубнова, Е. Г. Соболева, Е. К. Созина, Е. В. Харитонова и др.). Кроме того, в контексте исследования мы обращаемся к авторам, анализирующим состояние культурной ситуации в городе (статьи и заметки Е. А. Бурденкова, С. Ю. Каменского, С. Л. Кропотова, Д. Е. Москвина, А. Ю. Прудниковой и др.)

Методология и методика настоящего исследования основаны на соединении уже разработанных приемов работы с образом города в словесности (классификация «городского материала», описание и интерпретация истории, мифологии, особенностей пространственного мышления, осмысление городской повседневности).

Категория *образ города* в рамках настоящего исследования рассматривается как авторский оригинальный символический конструкт, предопределенный существующими представлениями о городе, как индивидуальное видение места, воплощенное с помощью достаточно устойчивых художественных приемов. Мы сознательно уходим от термина «городской текст», предполагающего наличие «стабильной сетки семантических констант, формирующихся в процессе символической репрезентации места» (В. В. Абашев). Нас интересует не систематизация максимально широкого числа источников, включающих «творчество “местных” писателей, образ региона в произведениях общероссийской литературы, научно-популярные книги и сайты, экспозиции музеев, книги краеведов, арт-проекты и проч.» (Н. В. Барковская), но «картография» (С. Н. Зенкин) сложившихся вариантов образа города в претендующих на художественность текстах различной жанрово-видовой модификации.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проводится сравнительно-сопоставительное изучение образа Екатеринбурга на материале корпуса прозаических произведений 2000–2010-х гг. (23 текста). В широком

историко-культурном контексте выявлены структурные и смысловые особенности представления образа города.

Степень достоверности результатов исследования определяется достаточным числом привлеченных для анализа прозаических текстов различной художественной природы (романов, рассказов, повестей, путеводителей, очерков); использованием соответствующих целям и задачам методик анализа текста; привлечением многочисленных исследований по культуре и истории Свердловска / Екатеринбурга; мониторингом современной культурной обстановки в городе.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении литературоведческих параметров описания образа города в художественных текстах различной жанрово-видовой природы. Исследование также вносит вклад в разработку теории образа города: реализованный исследовательский подход может быть использован для анализа образов других городов, занимающих нецентральные позиции на литературной карте.

Практическая ценность исследования определяется возможностью применения его результатов в преподавании курсов по истории региональной литературы, в разработке спецкурсов и спецсеминаров по культуре и истории Екатеринбурга, а также в практической деятельности экскурсоводов, кураторов выставок и т.п.

Апробация результатов. Основные положения и выводы исследования были изложены в виде докладов на научных конференциях различного уровня: Всероссийская научная конференция «Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность», посвященная 75-летию профессора В. Г. Чуфарова (Екатеринбург, февраль 2008 г.), научный межвузовский семинар «Образ Урала: современные бытописатели и мифотворцы» (Екатеринбург, февраль 2009 г.), X Всероссийская научная конференция «Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» (Екатеринбург, октябрь 2011 г.), VII Международная научная конференция «Литература Урала – грани единого (к проблеме междисциплинарных связей)» (Екатеринбург, октябрь 2012 г.), XIII Всероссийская научная конференция «Дергачевские чтения – 2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики» (Екатеринбург, октябрь 2018 г.), XVI Международная научно-практическая конференция «Научный форум: филология, искусствоведение и культурология» (Москва, май 2018 г.).

Всего по теме диссертации опубликовано 8 работ, среди которых 3 публикации в рецензируемых журналах ВАК РФ.

Структура работы определена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка, включающего 322 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** охарактеризована актуальность темы исследования, обозначены объект, предмет, цели, задачи исследования, изложены подходы к анализу категории *образ города*, произведен краткий обзор работ, посвященных изучению образа Свердловска / Екатеринбурга в текстах художественной литературы и журналистики.

Первая глава посвящена рассмотрению образа города в мемуарно-автобиографических произведениях, авторы которых, реконструируя, прежде всего, личную историю, кропотливо восстанавливают городской фон, на котором разворачивались важнейшие события их жизни.

В **параграфе 1.1. «Свердловск / Екатеринбург как место действия»** отмечается, что осознанно или неосознанно автобиографы смотрят на город максимально топографично: делают многочисленные пространственные отметки, зонировать городское пространство через выстраивание оппозиций внутреннего и внешнего, близкого и дальнего.

В категорию «внутреннего» пространства попадают дома автобиографических героев («старый дедушкин дом» на «милой, родной» улице Степана Разина у Владимира Блинова; «дом около Вознесенской горки» Мальчика из повести Германа Дробиза, «дом бабушки на Толмачева» и «новая квартира на Московской» Софьи Демидовой и т.д.); дворы, а также ряд значимых мест, приближенных к домашним адресам: Дворец пионеров, Харитоновский сад, «фонтан с чугунными лягушками», Монастырская роща, исчезнувший «Сад строителей», Набережная городского пруда, парк (сад) Энгельса, дом Ипатьева. Новые места на карте Свердловска / Екатеринбурга осваиваются героями постепенно, по мере взросления или адаптации в городе; способом открытия новых мест становятся прогулки-путешествия по «огромному» городу.

В автобиографических текстах важна символическая значимость мест в личных историях главных героев, поэтому локусы, обладающие в реальности статусом официально признанных достопримечательностей, могут быть лишены своей статусности; и напротив, ничем не примечательные точки на карте становятся «живыми островками» «старого, домовитого, просторного и прогулочного»

Екатеринбурга, в котором сохранились «тихая и короткая, как само детство, улочка»¹, дом или двор.

В параграфе 1.2. «Образ города как хранилища памяти» раскрывается специфика изображения города при помощи более или менее развернутых исторических комментариев, описаний реалий городской повседневности разных лет, которые делает повествователь.

Образ дореволюционного Екатеринбурга с Вознесенской, Земской, Успенской, Спасской улицами, Щепной площадью, ипподромом запечатлен в цикле автобиографических рассказов и повестей «Монастырская роща» (2003) Владимира Блинова и «Записках еще не старого жителя» (1999) Владимира Цыганова, повествователи которых смешивают свои («первичные») и основанные на чужих рассказах «вторичные» воспоминания о реке Монастырке, когда-то протекавшей на территории Новотихвинского женского монастыря, о Сенной площади, куда по воскресеньям привозили свежую рыбу, об «обжорных рядах», знаменитых вкусной кашей и горячими пирожками, и т.п.

Ключевыми символами «индустриального Свердловска», по версии Ирины Шамановой в цикле рассказов «Улица Пирамидальных тополей» (2007), предстают завод и горное дело, устойчивыми атрибутами – камень и железо. Образ города этого периода соотносится с образом поколения бабушки рассказчицы Эммы Францевны – «образцовой девушки-комсомолки 1930-х», подчинившей свою жизнь призыву «Молодежь – на фабрики и заводы!». Размышления об особенностях характера бабушки подводят к созданию образа города определенной эпохи как завода по производству людей определенного типа. Отчетливая амбивалентность такого образа обусловлена иными, чем у юной Эммы, жизненными приоритетами повествовательницы.

В «Мальчике» (2003) Германа Дробиза доминируют «первичные» воспоминания о военном Свердловске: в сознании автобиографического героя четко разделены время довоенное («волшебное», когда «всегда было тепло», «дров для печи можно было разом запасти на всю зиму» и т.п.) и военное – сложное, мрачное, заполненное лишениями и тревогой. Виталий Волович в «Мастерской» (2017) обобщает развернутые воспоминания в такие «знаки» военного города, как «мертвая тишина», «непроглядная темень улиц», «уплотнения» эвакуированными, «толкучки», «страх, разбой, похоронки».

Изображение атмосферы города всегда связывается с личной историей героя. Так, в «детской истории» героини книги Софьи Демидовой «Детство в Свердловске» (2011) на первый план выходят типичные для текстов подобного рода

¹ Турбанов И. Екатеринбург: пять бликов // Урал. 2010. № 4. С. 144.

описания города как места дворовых игр в «казаки-разбойники», «чику», «ножички», «штандер», «серсо», тогда как описания города юности соотносятся с получением ею профессии архитектора: внимание привлекает смешанный характер застройки Свердловска, в котором «“знаковые” жилые комплексы, отмеченные печатью конструктивизма и постконструктивизма», соседствовали с «маленькими деревянными частными домиками и бараками», где еще держали скотину и птицу, разводили огороды, топили печи.

Одни и те же периоды в истории города воспринимаются авторами по-разному в зависимости от их опыта. Г. Дробиз с сочувствием описывает грусть Мальчика, который наблюдает уничтожение города детства: «Сад строителей» вырублен, любимую улицу «расширили, подрезав тротуары, брусчатку закатали асфальтом»¹. Напротив, В. Цыганов не без иронии описывает чувства шестнадцатилетнего героя, приехавшего из маленького города: Свердловск 1960-х представлялся ему «магически-прекрасным», «притягивающим неизъяснимо-печальной прелестью», «гигантским и удивительным» с его улицей Свердлова, «застроенной новенькими пятиэтажными домами с башенками и балкончиками, показавшимися творением великого зодчего», и улицей Чапаева с усадьбами в стиле классицизма с «наивно-горделивой бессмысленностью итальянских колонн и арочных ниш»².

О городе как месте, вызывающем ностальгию по собственной юности, когда город казался столицей, «ведущим и блистательным центром художественной жизни»³, где художники «сбивались в артели, селились в старых брошенных домах в центре города», «на лужайках и площадях поэты читали стихи»⁴, а телевидение снимало передачи о литературе «андеграунда», вспоминают Алексей Рыжков в «Нарисованном городе» (2012) и Евгений Касимов в «Физиологии Екатеринбурга» (2009).

Образ Екатеринбурга 1990–2000-х, заряженный отрицательными коннотациями, запечатлен в «записках» В. Цыганова, в памяти которого центр «проклятого» мегаполиса представлял собой «азиатскую» торговую площадку, возглавляемую характерными персонажами эпохи – «бандитами-мафиози», «банкирами из бывших коммунистических секретарей». По этому городу нельзя просто прогуливаться, но только «нудно тащиться»; невозможно услышать волшебную музыку молодости, но лишь «нетерпеливые сигналы водителей». В «городе будущего» Игоря Турбанова также не осталось «ничего того, за что

¹ Дробиз Г. Свидетель : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 242.

² Цыганов В. Мой Екатеринбург : Записки еще не старого жителя. Екатеринбург, 1999. С. 24, 28.

³ Рыжков А. Нарисованный город. Екатеринбург, 2012. С. 155.

⁴ Касимов Е. П. Физиология Екатеринбурга. Екатеринбург, 2009. С. 123.

цепляется память бывалого горожанина и старомодного пешехода»; знаками исчезающего города остаются только «застывшие во времени» заброшенные парки, «вроде парка Вайнера или того, безымянного, что меж Вечным огнём, постройками медицинского профиля и ВИЗ-бульваром»¹.

Важной частью автобиографического повествования оказывается авторефлексия повествователя: «Я все это написал давно. Сейчас интонация была бы другой. Очень сильно скучаю по разрушенным старым домам <...> Гуляя по Екатеринбургу, я часто ловлю себя на странном ощущении. Кажется, что попал в чужой город. Все не так, как я привык...»².

Пытаясь соединить фрагменты из прошлого и настоящего в единое целое, ностальгирующий горожанин из автобиографических текстов предлагает читателю лично окрашенную историю взаимоотношений со Свердловском / Екатеринбургом. При этом ведущими эмоциями выступает печаль, возникающая из-за утраты важных в личной истории локусов, и разочарование, вызванное сравнением атмосферы Свердловска юности с Екатеринбургом, где живет герой в ином периоде своей жизни.

ВТОРАЯ ГЛАВА посвящена изучению особенностей образа Екатеринбурга в современной социально-психологической прозе – в текстах, объединенных изображением жизни вымышленных героев в жизнеподобных ситуациях в действительно существующих или хорошо узнаваемых населенных пунктах. Анализу передачи самоощущений свердловчан / екатеринбуржцев в городском пространстве посвящен **параграф 2.1. «Горожанин как объект изображения»**.

Героини романа Александра Чуманова «Три птицы на одной ветке» (2003) выработали иронически-скептическое отношение к городу, словно передающееся от поколения к поколению: бабушка очутилась в Свердловске «по воле случая и теперешним званием екатеринбурженки ничуть не дорожила, тем паче не гордилась»³; Эльвира также не испытывает особой привязанности к Свердловску / Екатеринбургу и не считает себя екатеринбурженкой. Софочка уже в десять лет сформировала устойчивое мнение об уральской столице: «Свердловск – такая же дыра, как и ваши поселки, переполненные пьяницами да уголовниками. И вся разница – трамваи да более высокий уровень художественной самодеятельности»⁴.

Вера, главная героиня романа «Завидное чувство Веры Стениной» (2015) Анны Матвеевой, осознает, что просто по стечению обстоятельств оказалась в Екатеринбурге и, «если бы её спросили, выбрала бы другое время – да и место

¹ Турбанов И. Екатеринбург: пять бликов // Урал. 2010. № 4. С. 144, 145.

² Рыжков А. Нарисованный город. Екатеринбург, 2012. С. 176.

³ Чуманов А. Три птицы на одной ветке // Урал. 2003. № 9. С. 120.

⁴ Там же. С. 120.

тоже». Однако роль города в формировании характера героини очевидна: именно на фоне екатеринбургских декораций разворачиваются ключевые моменты личной истории Веры (счастливые прогулки, неожиданные знакомства); именно в Екатеринбурге Вера находит свой «адрес мечты» («самый красивый дом на Плотинке»). «Екатеринбургскость» Веры ощущает Сарматов и в прощальном письме замечает, что «не может представить себе Веру где-то, кроме Екатеринбурга».

Герои сборника «Девять девяностых» (2015) Анны Матвеевой в относительно благополучные жизненные периоды словно «сливаются» с городом: так, например, петербурженка Лина, привязавшись к городу, осознает его местом перемен и встреч – локусом «самого счастливого времени»¹. Но в моменты жизненных кризисов герои приписывают городу те или иные шаблонные качества (например, мама Лины называет Свердловск «ужасным» городом, где «грязно, холодно» да «еще и царя убили»²). Решая семейные, бытовые, любовные конфликты, герои переносят свои эмоции на город, благодаря чему отношения со Свердловском / Екатеринбургом постоянно меняются от принятия до раздраженного отрицания своего места жительства.

В параграфе 2.2. «Социально-психологическая интерпретация городской повседневности» рассматривается изображение города через упоминание в речи автора-повествователя безошибочно узнаваемых примет места, точки зрения на них персонажей, рассказ о своеобразных рефлексивных практиках, характерных для места.

В романе «Завидное чувство Веры Стениной» запечатлены штрихи жизни свердловчан 1970–1980-х годов в городе, где прошла «бедная свердловская юность» свекрови главной героини, жившей в коммуналке на Красноармейской; «трудовые будни в кадровом отделе Верх-Исетского завода» старшей Стениной. В романе «Ненастье» (2016) Алексея Иванова упоминание примет из 1990-х (криминальные захваты, превращение заводов в «безлюдные промзоны» и т.п.) создает образ криминализованного города Батуева (под таким псевдонимом фигурирует город в тексте), на панораме которого отмечаются «рафинадные башни проспекта», «стеклянный ящик ЦУМа», «пёстрые шатры кафе», «зелёный ЦПКиО, над которым торчало колесо обозрения»³. Дополнительно на то, что в тексте под псевдонимом фигурирует Екатеринбург, указывают известные эпизоды из истории местного союза ветеранов Афганистана. Упоминания города в текстах А. Матвеевой еще более узнаваемы, благодаря точным ландшафтным приметам (например,

¹ Матвеева А. А. Девять девяностых. М., 2015. С. 138.

² Там же. С. 140.

³ Иванов А. Ненастье. М., 2106. С. 40.

упоминанию «недорогих фотосессий на Плотинке на фоне сиреневого неба, водонапорной башни и фонтана» и т.п.). Интерпретаторами городской реальности 1990-х в социально-психологической прозе нередко оказываются местные СМИ, активно муссирующие тему «преступного, неблагополучного города».

Уникальность Екатеринбурга исчезает в изображении 2000-х годов. Так, в романе А. Иванова отмечаются новые бизнес-центры, лобби-бары, первые высотки, «фасеточные башни из чёрного и синего стекла», дискаунтеры «Ашан», «ИКЕА», мегамоллы с «фонтаном у входа», «эскалаторами, световыми пирамидами вместо потолков». В других текстах уникальность сводится к названиям некоторых улиц.

Панорамные изображения и топографическая конкретика вполне могут отсутствовать в социально-психологической прозе. Так, в романе А. Чуманова, где фиксируется общегородская атмосфера (через детали екатеринбургского ландшафта, включение в текст социально-бытовых подробностей жизни, новостей из городских СМИ), специфика города ярче всего проявляется через его сравнение с другими локусами. Екатеринбург осознается «уральскими женщинами» как «современный большой город», «уральский мегаполис» только в противопоставлении с другими уральскими «совсем маленькими» городами. Побывав в Москве, героини А. Чуманова начинают понимать условность административных номинаций: «сущей столицей» может быть и Арамиль, «лишь бы в квартире было тепло» и «не требовалось ходить по воду», и Тюмень как «столица деревень», и Екатеринбург как «провинциальная», «неофициальная» столица.

В романе «Завидное чувство Веры Стениной» описываются значимые для жителей уральского города взаимоотношения с Санкт-Петербургом, наделенным неофициальным статусом «культурной столицы». Лара, «приревновавшая Питер к маме», не смогла полюбить вторую столицу за «слишком уж много обязательной для усвоения красоты»: «все эти дворцы, фонтаны, мосты и памятники» воспринимались девочкой как «полоса культурных препятствий», которую хотелось скорее преодолеть. Для Веры, напротив, город казался местом отдохновения: «Петербург шел ей на пользу», и героиня чувствовала в нем себя «спрятанной от мыслей, которые донимали ее в Екатеринбурге».

Реализуется в социально-психологической прозе также сопоставление уральского города с границей. В романе «Ненастье» граница – это место, в котором жизнь течет в другом, нежели в криминальном Батуеве, темпе. Герман, мечтавший об Индии, смог оценить непривычную красоту – «отдалённые шерстяные хребты, нежно окутанные влажной синеватой мглой», океан, напоминающий «оркестр с литаврами», базар, воспринимаемый как «парад чудес»¹,

¹ Иванов А. Ненастье. М., 2016. С. 462, 475.

но символом освобождения от батуевских жизненных передраг выступает в романе «заколдованная» деревня Ненастье с «тесовыми домиками», сараями, «оградами из покрышек», парниками и грядками.

В рассказах А. Матвеевой образы «заграничных» городов гармонично вписываются в личные истории героев. Для чужого города, являющегося предметом рефлексии, могут быть найдены сравнения (Вена кажется «теплой и круглой, доброй бабушкой» или «дамочкой с характером»; Варшава, где так «серо и грустно», напоминает «вдову»¹). Но иногда подобные размышления приводят к неожиданному выравниванию заманчивого чужого и надоевшего своего. Так, Ада из рассказа «Екатеринбург», «увидев Париж изнутри», делает важное для нее открытие: «Париж из юной мечты в точности похож на потерянный Екатеринбург из прошлого. В реальности не существует ни того, ни другого»².

Смоделированный через самоощущения главных героев в пространстве, их отношение к городу в ситуации «дистанцирования», Екатеринбург в социально-психологической прозе фигурирует в качестве атрибута прошлой и настоящей повседневной жизни его обитателей. При этом отношения со Свердловском / Екатеринбургом, вырастающие на основе эмоций персонажей, лишены однозначности и выстраиваются на оппозициях принятия и отторжения, заинтересованности и равнодушия, динамики и статики.

В **ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ** образ города рассматривается в современной документально-художественной литературе – текстах с авторской установкой на яркость и оригинальность подачи большого количества фактического материала. Так, в **параграфе 3.1. «Образ города в путеводителях»** изучаются способы изображения Екатеринбурга в путеводителях – прагматическом жанре, направленном на описание сведений о городе в достаточно универсальной форме (через описание достопримечательностей, маршрутов, упоминание известных жителей, привлечение карт, фотоиллюстраций и т.д.). Но нас интересуют путеводители, авторы которых отходят от классической «описательной» модели, ориентированной на туристов, и предлагают приближенные к очерку, эссе, журналистскому расследованию рассказы, которые столько же адресованы жителям региона. Важнейшая задача авторов современных путеводителей по Екатеринбургу – вызвать у жителей интерес и уважение к собственному месту проживания.

Пытаясь разрушить автоматизм восприятия Екатеринбурга как лишённого особых достопримечательностей места, авторы, сохраняя свойственную путеводителю «пунктирность», выделяют неочевидные, на первый взгляд, аспекты городской среды, которые постоянно обсуждаются в профессиональном

¹ Матвеева А. Девять девяностых. М., 2015. С. 256, 221.

² Там же. С. 289, 342.

сообществе, но не являются общепонятными. В некоторых случаях это приводит к кардинальному переосмыслению представлений о месте. Так, подводя своеобразный итог многолетним исследованиям архитектурного облика Свердловска / Екатеринбурга, авторы книги «Архитектурный путеводитель. Екатеринбург 1920-1940» (2016) представляют город как своего рода заповедник конструктивизма. Архитектор, участница арх-группы «Podelniki» Полина Иванова в «Путеводителе по Свердловску и Екатеринбургу» (2017) делает акцент на репрезентации в городской среде триады «Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург».

Анна Матвеева в «Путеводителе по литературному Екатеринбургу» (2017), противореча представлению о Свердловске / Екатеринбурге как месте нелитературном, выстраивает образ города, основанный на писательских биографиях, цитатах из дневников, художественных текстов. Использование литературного материала как ресурса территории определило специфику топографической разметки города: на карте путеводителя оказались отмечены локусы старого города («солидный дом» Мамина-Сибиряка на ул. Пушкина, «Американская гостиница», где останавливались А. Чехов и К. Бальмонт), города советских лет (Центральная гостиница, где Пастернаку «показалось слишком уж пыльно»; гостиница «Большой Урал», куда «поселили» В. Высоцкого), современного города («странный» памятник А. С. Пушкину, «мемориальный знак, похожий на “острую бритву”, на стене института естественных наук и математики УрФУ – знак памяти Илье Кормильцеву» и т.д.).

Путеводители «Екатеринбург для больших и маленьких» (2016) и «Сказочный путеводитель» (2017) ориентированы на детскую аудиторию, для которой тщательно прорабатываются сказочные образы и мотивы (в фонтане около Драмтеатра «живет радуга»; в Ботаническом саду мелькают «две феи, добрая и злая»). Издание «Е-бург: родной город step by step» (2004) Владимира Сутырина адресовано поколению екатеринбуржцев-тинейджеров.

Авторы путеводителей, рассказывая об одних и тех же локусах, пытаются расширить круг достопримечательностей, представить Екатеринбург как достойное место жизни (хотя представление о «достойном» может существенно отличаться). Независимо от того, какой группе горожан подобные издания адресованы, для авторов характерно желание показать город как пространство, хранящее чрезвычайно значимый личный и социальный опыт. При этом нередко стремление рассказать историю города и подобрать точное определение его специфики замещается размышлениями по поводу статуса Екатеринбурга.

В параграфе 3.2. «Образ города в очеркистике» рассматривается специфика изображения Свердловска / Екатеринбурга в очерках – текстах документально-художественной природы, предполагающих «возможно полное воспроизведение фактического материала» (Е. И. Журбина). При этом организующим материал

элементом в очерках оказывается фигура автора-повествователя: свердловского / екатеринбургского патриота, знающего город и его жителей «изнутри» (Евгений Ройзман в сборнике «Невыдуманные рассказы» (2013)); добросовестного горожанина, «общественника», обеспокоенного судьбой старого города (Сергей Платон в сборнике «Город Бург» (2015)); внимательной горожанки, обращающей внимание на любопытные детали из екатеринбургской социальной реальности (Мария Голдина в эссе «Поехали» (2013)).

Объектом исследования в очерках оказывается жизнь горожан, поэтому данные тексты отличаются своей плотной «заселенностью другими» (Л. П. Быков) – введением героев из разных социальных уровней. Так, в сборнике «Уралмашевские байки» (2004) Сергея Агеева и Юрия Бриля появляются работница столовой кузнечно-прессового цеха, Михаил Иванович Калинин, пожарный Терентий, передовик Царапкин, «толкач» Гоша Елин и т.д. В «транспортных историях» М. Голдиной героями становятся кондукторы, «трезвеющие, просыпающиеся болельщики», «невыспавшиеся, но довольные молодые люди, спешащие на работу», «толпа школьников» с учительницей и т.д.

Стремясь к объективности и правдивости повествования, авторы вводят подробности из жизни Свердловска / Екатеринбурга разных лет. При этом нередко отобранный материал (упоминание повседневных сложностей городской жизни, указание на ее скрытую криминализованность, подчеркивание неприглядности ландшафта) передает драматичность, проблематизированность городской социальной реальности. Контрастно по отношению к остросоциальным очеркам выступают «Уралмашевские байки», в которых драматизм истории Уралмаша смягчается за счет включения ироничных баек из уралмашевской жизни и рассказов об уралмашевских «очень уютных и красивых кварталах», «легких и импозантных» промышленных объектах.

В «сборниках очерков со сквозными сюжетами» (Ю. С. Подлубнова) «Горожане» (2017) Анны Матвеевой и «Ёбург» (2014) Алексея Иванова город показан, в первую очередь, как пространство глубоких социальных взаимодействий.

Согласно концепции А. Иванова, история Свердловска / Екатеринбурга предстает как череда концептуально обозначенных стадий, каждая из которых соотносится с ключевым образом «лихого и безбашенного, стихийно-мощного», «склонного к резким поворотам и крутым решениям» Ёбурга. Для А. Матвеевой важно передать непрерывность истории города, вырастающую из фрагментарной будничности. Подтверждению непервостепенной роли «исторических меток» служит разворачивание автором дополнительной творческой реальности, в которой

герои периодически «скрываются» от будничной городской жизни (театры, творческие мастерские и т.д.).

С точки зрения городской топографии Ёбург А. Иванова является социально «размеченным» пространством, каждая из зон в котором «принадлежит» той или иной категории горожан, тогда как Екатеринбург А. Матвеевой – пространство, картографированное субъективно, хранящее эмоциональную, личную память.

Описывая местных жителей, А. Иванов задает четко прописанную социальную структуру, в которой каждому участнику приписываются характерологические признаки и функции (журналисты формируют информационное пространство города, политики участвуют в «бесконечных и почти безумных» выборах, представители творческой интеллигенции пытаются найти диалог с городом и т.п.). Отдельную группу представляют «уральские лидеры», «пассионарии», в «поступках которых говорит история»¹ («принимающий решения» Россель, «изумляющий» «хранитель города» Букашкин, «созидающие и созерцающие» «тетушки» из Литературного квартала и др.).

В сборнике А. Матвеевой, напротив, городское сообщество предстает тесно, хотя и неявно, взаимосвязанным. Судьбы героев, разделенных десятилетиями и веками, непременно оказываются «зарифмованы, сведены к одному знаменателю»² Свердловском / Екатеринбургом, который наделяется властью и силой: выбирает лучших и канонизирует их («превращает» П. Бажова в «бюст на фасаде библиотеки имени Белинского», В. Воловича – в памятник «недалеко от проспекта Ленина»); «играет адресами», предлагая «одни и те же районы, улицы, дома» (как в семейных историях Матвеевых, Б. Дижур); дистанцирует (пример Н. Ипатьева, вынужденного покинуть город в «тяжкой славе без вины виноватого», и т.д.).

Авторы «Ёбурга» и «Горожан», отталкиваясь от авто- и гетеростереотипов «промышленный гигант», «город-завод», «место убийства царской семьи», «индустриальный мегаполис», все-таки освобождают Екатеринбург от шаблонных характеристик и приписывают ему качества феномена конкретно-исторической эпохи, яркого города молодости, места реализации амбиций, существующего вне времени города культуры и искусства.

Именно в документально-художественной литературе отчетливо видно, как общественность отказывается от устойчивых представлений о Екатеринбурге и пытается инициировать новые: «город-деятель», «город-дом», «город творчества» и т.д. «Объективированный» рассказ о городе оказывается, прежде всего, одним из

¹ Иванов А. В. Ёбург. М., 2014. С. 4.

² Матвеева А.А. Горожане. М., 2017. С. 27.

инструментов самоидентификации автора-повествователя, занимающего позицию ответственного горожанина.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА посвящена образу Свердловска / Екатеринбурга в современных прозаических текстах с фантасмагорической фабулой. В подобных произведениях, ориентированных на создание незаурядного образа города, авторами предлагается новая версия городской истории (основанная на мифологеме и ряде поддерживающих ее легенд, преданий); городское пространство включается в рамку фантастической или мифологической модели; усиливается символическое звучание некоторых городских реалий; город населяется различного рода inferнальными существами и т.д.

В параграфе **4.1. «Фантасмагорические интерпретации городской повседневности»** мы пытаемся указать на особый характер изображения екатеринбургской повседневности в текстах с фантасмагорической фабулой, в которых, на первый взгляд, авторами фиксируются характерологические бытовые подробности городской жизни разных лет.

Так, например, в романе Валерия Исхакова «Екатеринбург» (2004) создается атмосфера среднестатистического советского города с общепринятыми архитектурными пространствами: проспектом Ленина, центральным гастрономом, рынком, стадионом. В романе «Отдел» (2015) Алексея Сальникова выведен урбанизированный образ безликого города с «кривыми бетонными заборами», «зданиями с трубами», «пятиэтажками хрущевских времен» – «просто место обитания», «город вообще», «такая же дыра, как Челябинск, Пермь».

В романе «Петровы в grippe и вокруг него» (2018) Алексея Сальникова также, на первый взгляд, изображается жизнеподобный образ Свердловска / Екатеринбурга, вызывающий у главных героев «сплошную какую-то бледную, депрессивную тоску» из-за «городских боковин», «дугобразных дорог, которым не было конца», «бетонных заборов», типичных горожан, которые словно «срастаются с городскими декорациями» («бомжей, неотличимых от местных жителей, или местных жителей, почти неотличимых от бомжей»¹; словоохотливых городских сумасшедших из общественного транспорта и т.д.).

В романе Ольги Славниковой «2017» (2007) также создается образ безликого пространства с заборами, темными парками, «стихийными рынками», «сырыми, как туалеты, станциями метро». При этом для характеристики жителей используется две номинации: «горожане» (ролевое обозначение, указывающее на «включенность» жителей в социальные отношения) и «рифейцы» – номинация психотипическая, обозначающая особый, уральский тип сознания. Быть рифейцем – значит

¹ Сальников А. Петровы в grippe и вокруг него. М., 2018. С. 57.

существовать в двух измерениях – реальном, включенном в структуру общества, и ирреальном, отсылающем к «долгой горноуральской памяти» (постоянной тяге к земле и камню, вере в местных духов и т.д.). Неслучайно в качестве ведущего городского символа фигурирует заброшенная телебашня («поганка») – вертикальная городская достопримечательность, аналог мирового древа и мирового столпа, олицетворение рифейского сознания.

В «новой постъядерной реальности»¹ романа «Урал атакует» (2011) Владимира Молотова Екатеринбург характеризуется как «хмурый», «голодный», «серый», «сумасшедший мегаполис с военными порядками», в центре которого «на каждом углу» дежурит патруль Народной Дружины, маршируют роты солдат в «камуфляжных куртках» с «калашниками» наперевес, мелькают «безработные шайки», «бандиты». При этом неизменными екатеринбургскими атрибутами остаются «то поднимающиеся в горку, то спускающиеся» дороги, «гаражные массивы», «бетонные заборы».

Как правило, первопричиной странных самоощущений горожан называется двоемирие – сосуществование с буднично-городской реальностью таинственно-мистического измерения. В романе «Петровы в grippe и вокруг него» болезненная, гриппозная атмосфера, в которой пребывают персонажи, стихийно-иррациональный характер разворачивающихся событий, уподобление города царству мертвых указывают на сосуществование с тривиальной городской действительностью чего-то иррационального, необъяснимого. В романе «Урал атакует» главные герои, чувствуя себя отверженными городом, даже замечают галлюцинаторный образ «желтозубого», «волосатого, то ли черта, то ли еще кого, с рожками».

В романе «2017» городское измерение испытывают таинственные силы могучего уральского края – «не фона, не контекста, но истинного и едва ли не главного участника событий» (В. П. Лукьянин). По версии Ольги Славниковой, нарушение законов древней земли оборачивает против города мир горных духов, которые, демонологизируясь, предстают в романе в виде призраков, представителей потусторонней силы (веселая в сказах Бажова Огневушка оборачивается злой ведьмой, Великий Полоз – коварным существом, заманивающим хитников в опасные для жизни места).

Демонологические персонажи появляются в мистическом романе «Не буди!» (1999) Сергея Петрова и Олега Батталова, развивающих тему контакта между миром живых и мертвых. По авторской концепции, местом концентрации зла становится «инфернальный», «проклятый» дом Харитоновых-Расторгуевых – «зловещий» локус с непроясненной историей. Мистериальное прошлое усадьбы проглядывает

¹ Молотов В. Урал атакует. М., СПб., 2011. С. 58.

сквозь настоящее и готово при любой возможности войти в городскую реальность, «подорвать» ее.

«Биение» таинственной жизни ощущают горожане из романа Валерия Исхакова «Екатеринбург». Согласно авторской концепции, Екатеринбург и Свердловск – города разные, разошедшиеся в своем развитии: если Свердловск был построен исключительно ради материальных нужд людей, то Екатеринбург взял на себя функции культурно-литературного измерения: «... там, в Екатеринбурге, вершится настоящая история, там есть и настоящая литература, и музыка, и живопись»¹. При этом тот «загадочный» Екатеринбург конкурирует с индустриальным Свердловском, «вторгаясь» в повседневность в виде многочисленных «городских странностей», подтверждением чего становятся многочисленные городские истории, которые сочиняют герои («затемненная» история об основании Екатеринбурга; истории о странных пространственных перемещениях героев; истории, связанные с издательством, университетом). Точками концентрации странностей оказываются «темные места» на городской карте: старинные особняки в центре города, Окружной Дом офицеров (место проживания таинственного «небожителя» – генералиссимуса), местная «нехорошая» квартира.

В «Урбанистических снах» (2014) Эдуарда Кубенского также, с одной стороны, встречаются урбанистические зарисовки Екатеринбурга, застроенного «торговыми и бизнес-центрами, хрущевками и брежневками, сталинками, ельцинками и путинками». С другой стороны, в рассказах-сновидениях Эдуарда Кубенского, причудливо соединяющего реальное и фантастическое, читатель оказывается в Екатеринбурге 2018, 2042, 2052 года и видит воплощенными смелые замыслы архитектора: две плотинки и два железнодорожных вокзала, огромный парк вместо железной дороги и пешеходную зону вдоль набережной от ВИЗа до Химмаша.

В параграфе 4.2. «Екатеринбург в современной политической сатире» рассмотрены тексты с выраженной комической условностью, где появляется «низовой» образ Екатеринбурга, фиксирующий «городскую повседневность в ее – чаще негативных – проявлениях» (Ю. В. Клочкова): город в таких произведениях выступает местом социальной несправедливости, деятельности преступной власти, господства черного пиара.

Так, в «Рябиновой революции» (2015) Вадима Дубичева город военизирован: «полыхает огнями <...> заревом горящих машин»², мирно спешившие на работу горожане превращаются в «толпы», по набережной проносятся «машины с

¹ Исхаков В. Екатеринбург. Екатеринбург, 2004. С. 364.

² Дубичев В. Рябиновая революция // Урал. 2015. № 10. С. 15.

развевающимися флагами разных партий», в небе появляются военные самолеты-истребители, вертолеты, «ревущая моторами колонна танков».

В повести «Год культуры» (2016) Дениса Каменщикова город – это место действия несуразной череды событий с разыгрыванием ролей, переодеваниями и комическими ситуациями, в которых участвуют городские маски-типажи: генерал Аполлинарий Елифанович Шутка, «галантный полк в полной экипировке», директор «краевого представительства МИА», требующий билеты на «Лебединое озеро» в «нормальную ложу, где можно стол накрыть» и «чтобы внуки побегать там могли, им же на балете скучно»¹ и т.д.

Топографическое разделение города работает в политической сатире на подчеркивание социального расслоения. Так, в романе «Тайны третьей столицы» (2003) П. Лотинкина центр города фигурирует как зона с повышенной концентрацией политического зла, где обитает «политический бомонд», екатеринбургская мафия, «орда чиновников», которые «город оккупировали и грабят в свое удовольствие». Выделяется зона с повышенной концентрацией экологического зла, к которой относятся «неряшливые», «заросшие грязью», «неопрятные» периферийные зоны, где обитают депрессивно настроенные «екабевцы» («катеринбуржцы», «нищий» и «обозленный народ»).

В «Рябиновой революции», воссоздающей образ социально-политической неразберихи, описание топографии подчеркивает образ шумного, находящегося в беспрестанной деятельности города. Упоминание различных кафе и ресторанов («Троекуровъ», «Тинькофф», «Шоко») в качестве «неформальных заседаний нового правительства» создает «праздничную атмосферу постоянного застолья». При этом участниками городской неразберихи становятся также «чужие»: поляки, «странствующие» по пабам; туристы из Германии, заблудившиеся в центре города; «плотная толпа китайцев», заполонивших перекресток Бардина и Амундсена и т.д.

Своеобразно звучит в политической сатире тема уральской идентичности. Прошедшие сквозь призму сатирического и иронического отношения, авто- и гетеростереотипы, связанные с городом, принимают комические формы. В «Тайнах третьей столицы» через призму иронического подаются наименования местных жителей («горноуральские самураи», «уральские горцы»). В романе «Год культуры» в сатирическом ключе описывается «писательское племя бунтующего Урала», «остроглазые уральцы», которые в разгар политических баталий умиротворенно «пьют водку и матерятся», устраивают Вечера Исторической Памяти Великой Руси. В «Рябиновой революции» обыгрывание местных стереотипов проходит на разных уровнях: персонажном (обыгрывается образ москвича, оказавшегося в уральских

¹ Каменщиков Д. Год культуры // Урал. 2016. № 11. С. 106.

условиях), бытовом (описание местных примет и традиций), затекстовом (например, «местные» галлюцинации, возникающие у Битмана в кафе «Журавлик»: журналисту мерещатся Мамины-Сибиряки, Бондины, которые дружно слушают Бажова, рассказывающего о «нахождении рубинов в копиях Сысерти», Хозяйка Медной горы, убирающая за посетителями) и т.д.

В сатирических текстах, где соединяются политическая и смеховая тематические линии, создается клишированный образ неблагополучного, проблемного, но энергичного города.

В **Заключении** формулируются общие тенденции развития образа Свердловска / Екатеринбурга в современной прозе, намечаются перспективы дальнейшего изучения темы исследования. Отмечается, что, отказываясь от исторически сложившихся статичных образов, связанных со Свердловском / Екатеринбургом («город-завод», «столица Урала», «город на границе Европы и Азии», «место расстрела царской семьи»), авторы предлагают новые, лишённые уникальной специфичности, но эмоционально определённые. При этом продолжается традиция изображения Екатеринбурга как города контрастов, носителя идеи пограничности, реализующейся через оппозиции скучное и необычное, надоевшее и любимое, статичное и динамичное, историческое и личное. Создание топографической «сетки» города, зонирование городского пространства, воспроизведение реалий из городской повседневности разных лет, сравнение с другими локусами позволяет сделать описание узнаваемым и одновременно прояснить авторскую характеристику места, выраженную преимущественно через высказывания персонажей и повествователя. Стоит отметить появление все большего количества текстов, непосредственно посвящённых концептуализации городской истории и городского пространства.

Современные тексты о Свердловске / Екатеринбурге могут быть «картографированы» согласно жанрово-видовой модификации, предопределяющей тематику текста, сюжетно-композиционную организацию, субъектно-объектные отношения, пафос. Вызывающий гордость город из путеводителей противостоит разрушающемуся, демоническому, зловещему, экологически неблагополучному городу из текстов с фантазмагорической фабулой. Свердловск / Екатеринбург прошлого в случае автобиографических текстов определяется как «идеальный город детства и юности», «город-дом», тогда как в социально-психологической прозе основной акцент делается на болезненном отношении горожан к месту проживания.

Можно предположить, что авторы не столько открывают Свердловск / Екатеринбург миру, как это делали их предшественники, сколько ориентируются на жителя города, который может узнать себя в героях-горожанах (отсюда

многократное воспроизведение названий и маршрутов, описание парков, скверов, рынков, набережных и т.п.), проникнуться их переживаниями по поводу места жительства, получить материал для формулирования собственного отношения к городу. Образ Екатеринбурга в современной художественной и художественно-документальной словесности, создаваясь в условиях открытого взаимодействия участников литературного процесса и горожан, является аргументом в общественных дискуссиях о городе, активно участвует в формировании массовых представлений о Свердловске / Екатеринбурге.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ:

1. Коваленко Л. А. Образ Екатеринбурга в творчестве Анны Матвеевой / Л. А. Коваленко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 13(395). – С. 85–93; 0,7 п.л.

2. Коваленко Л. А. Образ Екатеринбурга в современной автобиографической прозе Урала / Л. А. Коваленко // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 19, № 2 (163). – С. 110–119; 0,6 п.л.

3. Коваленко Л. А. Образ Екатеринбурга в современной документальной прозе Урала / Л. А. Коваленко // Филологический класс. – 2017. – № 4 (50). – С. 123–129; 0,8 п.л.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Бучельникова Л. А. (Коваленко Л. А.). Екатеринбург-Свердловск как биографическое пространство в творчестве писателей XXI века / Л. А. Бучельникова (Коваленко Л. А.), М. А. Литовская // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность. Материалы докл. и сообщ. всерос. науч. конф., посвящ. 75-летию проф. В. Г. Чуфарова. Кн. 2. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2008. – С. 337–341; 0,1 п.л. / 0,1 п.л. (авторские не разделены).

5. Бучельникова Л. А. (Коваленко Л. А.). Образ Екатеринбурга в цикле рассказов Ирины Шаманаевой «Улица пирамидальных тополей» / Л. А. Бучельникова (Коваленко Л. А.) // Литературный квартал. – 2009. – № 2. – С. 56–57; 0,2 п.л.

6. Коваленко Л. А. (Бучельникова Л. А.). Екатеринбург в произведениях современных авторов / Коваленко Л. А. (Бучельникова Л. А.) // Литературный квартал. – 2009. – № 12–13. – С. 25–26; 0,3 п.л.

7. Коваленко Л. А. Екатеринбург: модель для сборки / Л. А. Коваленко // Урал. – 2015. – № 10. – С. 217–219; 0,3 п.л.

8. Коваленко Л. А. Образ Екатеринбурга в современных детских путеводителях Урала / Л. А. Коваленко // XVI Международная научно-практическая конференция «Научный форум: филология, искусствоведение и культурология». – М. : «МНЦО», 2018. – № 5 (16). – С. 71–78; 0,5 п.л.